

Протоиерей
Андрей Ткачев

**Каюсь, что я
не ангел**

Протоиерей Андрей Ткачев

КАЮСЬ, ЧТО Я НЕ АНГЕЛ

Издательство
«Вольный Странник»

Москва, 2019

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

Т48

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-907-0255

Ткачев Андрей, протоиерей.

Т48 Каюсь, что я не ангел / Сост. Н. А. Домнина. — М.: Фонд социокультурных проектов «Традиция», 2019. — 288 с.: — ил.

ISBN 978-5-6041696-6-7

Новая книга отца Андрея Ткачева — это практическое указание по преодолению специфических соблазнов нашего времени, когда грех принимается за норму, а безгрешие — за странность и опасную болезнь, когда размывается традиционный образ жизни и идет война против нравственности. Как выжить православному христианину в этом мире, где он окружен агрессивной средой безбожия? Книга протоиерея Андрея Ткачева дарит надежду всем находящимся на грани уныния: есть инструменты духовной борьбы, которые весьма эффективны в этих условиях. Соблюдая определенные правила безопасности и совершая особенные, незаметные для мира подвиги, можно уберечь свою душу от ущерба и сохранить ее для Бога и вечности.

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-6041696-6-7

© Андрей Ткачев, прот., 2019

© Фонд «Традиция», 2019

ГЛАВА 1

ПОУЧЕНИЕ О НАШИХ ВРЕМЕНАХ ПО ПРЕДСКАЗАНИЮ МОНАХА-ПУСТЫННИКА АНТОНИЯ ВЕЛИКОГО

Понять Антония Великого, живя в мегаполисе

Современный мир, особенно мир большого города, отнюдь не представляется местом, созданным для духовного возрастания. Но, раз уж нам довелось жить здесь и сейчас, хорошо бы понимать окружающую нас действительность и то, как она на нас влияет.

Сложностей у современных христиан немало. Например, общинности очень мешают дальние расстояния. Слишком далеко мы живем от церквей, много времени тратим на дорогу. В монастыре как? Колокол ударил — через три минуты я в храме (и так же было раньше в селах и городах). Потом опять бьет колокол — значит, служба закончилась, все вышли и тут же отправились в трапезную, где уже приготовлен обед. И тот, кто готовит еду, не бежит в храм на службу. Тот же, кто бежит в храм, идет в трапезную и ест приготовленное другими. Таков монастырский быт.

В миру этого нет. У нас каждое посещение богослужения — это паломничество. Наш путь к храму похож

на прохождение мытарств: из трамвая — на метро, из метро — на троллейбус, из троллейбуса пешком по снегу или слякоти — в храм. И тот же круг в обратном порядке: троллейбус, метро, трамвай, дом. Дома — к плите. Это же на самом деле подвиг.

В миру все подвижники. Мирянин выбегает со своей работы и едет, с трудом добираясь, в храм. Потом оставляет богослужение. И тут бы выйти и лечь, а он должен опять ехать в душном транспорте, иногда в час пик, а по приезде домой что-то еще делать. Если это учитель — проверять тетрадки, если мать семейства — готовить еду... Человек постоянно находится в напряжении, неестественном для себя. Поэтому и общину приходскую трудно создать. Ведь община предполагает, что все живут рядом, а здесь все далеко, всех надо вызванивать, собирать. Общину собрать нелегко.

Конечно, затрудняет современную жизнь в Церкви и общая суета, и отсутствие базовых знаний, и в принципе антихристианский быт — антихристианский характер современной западной европейской культуры, частью которой мы являемся.

Ведь наша культура (западная, по сути) ставит перед людьми в качестве целей не достижение евангельского блаженства и близости с Господом, служение и угождение Ему, а совсем другие вещи: либо комфорт, либо успешную карьеру и обогащение, либо наслаждение, либо определенный набор впечатлений. Это все сказывается на духовной жизни. И верующий человек по привычке может, к примеру, паломничая — собирать впечатления, молясь — искать наслаждения, особого духовного восторга. Для чего многие сейчас живут? Для карьеры. В Церкви можно жить для карьеры? Можно. Можно постричься в монахи, чтобы стать епископом, — это не секрет. Живут

Преподобный Антоний Великий. Крит. XVI век

для наслаждений? И молиться можно так, чтоб наслаждаться. Можно ходить на службу в тот храм, где поют так, что я искренне наслаждаюсь. И вот я уже, собственно, не очень-то молюсь, а больше прихожу наслаждаться эстетически — иконами, пением. А набор впечатлений? Бывают фотографические альбомы, где помещены фотографии путешествий: там мы увидим Мальдивы,

Венецию, Египет с пирамидами или Ниагарский водопад. А бывают и другие альбомы, где собраны фотографии Оптиной пустыни, Троице-Сергиевой лавры и Дивеева, раки с мощами Серафима Саровского... Владелец второго альбома так много всего видел, так много изображений собрал, так долго об этом рассказывает! Закрадывается подозрение, что он лишь получает удовольствие от этих поездок: вот тут он молился, вот тут ходил, а здесь к такой-то иконе прикладывался, вериги такого-то святого на себя примерял... Но ведь само по себе это не должно быть целью...

Мир нас как бы запечатывает штампом, предписывает свои шаблоны. И потом, когда мы пытаемся жить духовной жизнью, то неизбежно действуем внутри этого шаблона. И потому-то часто не понимаем, как можно было вообще жить по-другому! Как, например, преподобный Симеон жил на столпе? Или как молодая женщина, только что родившая первенца, могли бросить все и пойти на добровольное мученичество?

На нас лежит некая печать мира сего, и нужно прожить годы в Церкви, чтобы понять, что с нас всего лишь сошел некий «верхний слой». Мы только начинаем приближаться к тому, что есть Церковь по существу, а до сих пор двигались по контурам этой печати. Мы собирали удовольствия, искали старцев, стремились сделать карьеру. И вдруг поняли: не то это все. Это было полезно в свое время, но теперь нужно идти вглубь.

И тогда нам более понятен становится и Антоний Великий, и великомученик Георгий, и преподобный Серафим. А до этой черты, какого бы мы святого ни взяли, нам его жизнь не понятна, по существу. Мы их чтим, конечно, но — не понимаем. Если спросить любого из нас: «Ты что понял в его жизни? Ты чувствуешь себя на

его месте?» — никто ничего не ответит, потому что мы совершенно другие. На нас лежит печать другого мира, другой цивилизации, в принципе антихристианской. Мы живем, если угодно, в Риме. Первый Рим был антихристианский, и в нем пострадали тысячи мучеников. Мы — жители третьего Рима, который в общем-то недалеко ушел от первого. И это накладывает на нас свой отпечаток. Мы его носим на себе, поначалу не чувствуя этого, будучи вполне родными этому миру. И христианство — всего лишь некая капля в нас. Когда же мы начинаем чувствовать свою инородность этому миру, тогда можно сказать, что мы частично изжили его, освободились от него.

Для того чтобы не остановиться на стадии «духовного потребительства», нужно хранить первую любовь к Богу. Когда Христос впервые открывается человеку, Он дает ему большую «порцию» Своей любви. Но так, чтоб человек не умер от избытка благодати и вместе с тем получил знание подлинной радости, чтобы потом мог возвращаться к этому опыту, к этой первой любви. Будущее Церкви — это ее прошлое, и наше будущее во Христе — это то же, что было вначале, когда мы обратились. Кто обратился, тому это понятно.

Ведь что такое Евангелие? Это история встреч: Христа с Нафанаилом, с самарянкой, с Никодимом, с другими. Это постоянные встречи Христа с кем-то. А твоя Встреча состоялась? Если она состоялась, то наверняка опыт радости, о которой мы говорим, тебе знаком. И потом ты можешь возвращаться к ней, останавливая поток суеты, в котором находишься: «Подожди, стой! Тут у тебя деловые бумаги, стройка, деньги, путешествия, радиопередачи, какой-то сбор средств, книги... Ты вообще для кого это делаешь? Ты помнишь первую твою любовь?»

В Апокалипсисе Иоанна Богослова звучат эти слова: «Знаю твои дела, и то, что в тебе хорошо... но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою».

Когда ты узнал Божию любовь, ты удивлялся тому, что вдруг все люди стали для тебя святыми и все вокруг — хорошим. Вот и следует в дальнейшем возвращаться к этой первой любви.

Чем люди живы?

Авраам оказал Богу гостеприимство и в это же время, словно пользуясь правами хозяина, умолял Судию всей земли о милосердии к жителям Содома. Трогателен и несколько страшен этот разговор, где ведется как будто торговля, и ставка все понижается и понижается. «А если сорок, а если тридцать, а если двадцать...»

Авраам спрашивал, склоняясь все ниже, а Бог отвечал ему, и из этого разговора на все времена людям стоит уяснить несколько великих вещей. Во-первых, Богу небезразлично происходящее на земле, и Он готов вмешаться. Во-вторых, кто-то молится о мире, хотя миру до времени это и не интересно. Потом, когда чаша наполнится, а число праведников достигнет минимального предела, беды посыплются на всех подряд.

А до этого часа праведники не носят отличительных внешних знаков. Их никто не знает в этом качестве, и сами они вряд ли уверены в своем избранничестве. Но когда мера общих беззаконий переполнится, и миловать уже будет поздно, а карать необходимо, праведник будет спасен, «как бы из огня». И праведность его окажется не

Бегство Лота из Содома. Рафаэль. XVI век

абсолютной. В безопасной обстановке, как в случае с Лотом, она окажется относительной, даже сомнительной, хотя внутри Содома Лот был выше всех (в нравственном отношении) на голову.

Если в городе нет праведников, то город долго не простоят. Если там один праведник, Бог найдет способ вывести этого одного, а с остальными поступить, как положено. Все это — не что иное, как нравственное обоснование продолжающегося бытия мира. Что-то мы знаем о мире и о законах его развития. Но это «что-то» по сути — ничего.

Мир являет нам накрашенное лицо постаревшей красавицы, уверенной в своей неотразимости. Но по истине, он открыт Богу с той изнанки, с той внутренней и нравственной стороны, с которой только Ему видно, долго ли ещё продолжаться привычному ходу событий, или секира уже положена при корне дерева. Возникает вопрос

о последних праведниках. Сколько их? Где они? Чьими молитвами всё еще стоит мир?

Среди «авраамических религий» эта тема — общая. У евреев и мусульман со времен авраамовых первенцев, то есть еврейских и арабских праотцев, хранится эта мысль о наличии в мире небольшого числа людей, чья праведность оправдывает продолжение его бытия. Эта мысль повторяется у Исайи в словах о священном остатке. Очень близка она и христианам, Новому Израилю, который тоже понимает, что есть разница между горстью золота и телегой навоза, и что молитвы одного человека, соответственно, могут выслушиваться Богом внимательнее, чем голоса тысяч других людей. Эта тема весьма разработана, и внимательный исследователь найдет немало интересного и в деталях, и в целом.

Заметим еще и то, что в мирской жизни один богач привычно пользуется благами, избыточными даже для многих сотен людей. Его чернильная ручка или запонки, портсигар или булавка для галстука могут стоить денег, сумма которых для многих покажется фантастической. Словно на вершину пирамиды залазит богатый человек, где в гордом одиночестве он видит одни макушки и плечи обслуживающего персонала. А в случае со святыми все наоборот. Пирамида переворачивается, и святой человек оказывается лежащим под всей тяжестью сооружения. На него давят все, сидящие сверху. Там, ни о чём не подозревая, усаживаются беспечные «обычные люди», чье комфортное сидение оплачено невидимой для них мукой носильщика.

Богатые традиционно не задумываются о бедных. Но и грешники, независимо от зажиточности, традиционно не думают о святых и праведных, хотя их молитвами продолжают жить в мире. Пара деревень может год

работать на барина, который съест с гостями эти труды всего за один бал или продует за один присест к карточному столу. Это не секрет.

Но несколько деревень могут жить молитвами одного праведника, которого все держат за дурачка. Целый «любимый город может спать спокойно», пока в нем раздаются чьи-то молитвы (скорее всего — самого незаметного человека). Вот эта-то обратная зависимость многих от немногих скрыта от повседневного мышления.

Так кем же мир стоит, и чем люди живы? Без какого праведника «несть граду стояния?» Этот вопрос твердила долгими годами нравственно-обеспокоенная русская литература: Гоголь, Лесков, Толстой и, вестимо, Достоевский.

Привычнее всего в поисках ответа обратить свой взор на священников и монахов. И это правильно. Для того они и живут на свете. Но горе, если они сами скажут: «Это мы и есть, иных не ищите». Такая обращенность взора на себя есть симптом уже совершившейся внутренней катастрофы. Нет, это мирянину свойственно искать света в иноках и священниках. Сам священник должен знать, что в иной многоэтажке на двенадцатом этаже, уложив детей спать, некая мать молится горячее, проще и чище, чем иной из иноков в своей келье или иной батюшка у Престола. Есть страдальцы, хранящие веру и не ропшущие. Их молитвы, должно быть, сильны. «Воззовут, и услышит их Господь». Есть люди, честные в исполнении долга — воинского, врачебного, сыновнего. Может они и молятся не часто, но если попросят, то не получают отказа. Искать этих людей специально не надо. Подлинный праведник не имеет понятия о своей праведности, и смирение себя смирением не назовет. Но нужно мыслить в эту сторону. Ведь у нас

действительно есть множество людей, которых слышит Господь, одних — за простоту, других — за жертвенную самоотдачу, третьих — за переносимые или перенесенные страдания.

Лесков искал праведников и между чудаками, и между священниками. Достоевский нашел их в Оптиной. Толстой тоже нашел, но сделал вид, что не нашёл и продолжил искать. Гоголь сгорел в поисках образа идеала. Хотя в Оптиной был. Но все они искали и находили эту неброскую праведность еще и в толще народа. Об этой обретенной красоте есть страницы и главы у Бунина, у Тургенева в «Записках охотника». «Матренин двор» Солженицына — тоже об этом. Русский народ — правдолюб. Он правды хочет. Причем не для себя одного, а для всех. Это желание за столетия поселилось и вызрело в нем не от декларации прав человека и гражданина, а от Духа Святого через Таинство Крещения и великопостные молитвы. И это явный признак принадлежности нас к семени Авраамову, в котором мы по обетованию — наследники.

Велико чудо того, что смирение себя смиренным не сознает. И мы праведников не замечаем, не ищем. А как начнем искать, то, чего доброго, Зосиму с Ферапонтом перепутаем (см. «Братья Карамазовы»). Зато лукавый враг праведников знает. Он не то чтобы видит, но чувствует их, как Баба Яга — русский дух. И не вступает с ними в явную борьбу, но оплетает их разными сетями — мелкими, а потом крупными, — чтобы повалить и задушить. Эта тайная борьба не прекращается за кулисами мировой театральной сцены, на которой пляшут политика, экономика и массовое искусство.

И Авраам, предстоя Богу, понижает счет: «Сорок? Тридцать? Двадцать? Пятнадцать?»

Время проходит

Время проходит. Ничего не поделаешь. Стоит даже радоваться. Пусть оно движется и не останавливается до самой встречи с вечностью. Пусть не возвращается вспять и не закупоривается, как вода в водостоке, чтобы потом хлынуть внезапным потоком. Пусть просто проходит.

Оно проходит мимо, как если бы ты сидел у окна, а оно шло, как красивая женщина, до которой тебе (спасибо старости) нет никакого дела. Или так: ты сидишь в приморском кафе за столиком среди безлюдья жаркого полдня, а оно проходит мимо, как кораблик на горизонте. Кораблик движется, и ветер обдувает твое лицо, и волны мерно ухают о берег, а время про-хо-дит.

Это если не «мимо», а если рядом и на встречном курсе? То есть, как если бы ты стоял близко к железнодорожному полотну, а время появлялось точкой поезда на горизонте, там, где параллельные рельсы сходятся, как в геометрии Лобачевского. Оно быстро несло бы в твою сторону, угрожающе вырастая в размерах и стуча колесами, а потом ж-ж-жих! — и прогрохотало бы мимо,

Оглавление

Глава 1. Поучение о наших временах по предсказанию монаха-пустынника Антония Великого	5
Понять Антония Великого, живя в мегаполисе	7
Чем люди живы?	13
Время проходит.	18
Что впереди?	22
Глава 2. Новые искушения современного времени.	27
Шекели, тугрики, фунты стерлингов.	29
Боль внутри	35
Город. Тюрьма в гирляндах	39
Лестница вниз.	45
Запреты	53
Не ваше дело	60
Церкви и тюрьмы.	64
Покоя нет	69
Индустрия спасения от тоски.	73
Глава 3. Для делания какого рода наше время подходит лучше всего	75
Особый голод	77
Куда вернуться	83
Лучшие времена	89
Что такое праведность в миру?	93
Как добродетели превращаются в карикатуру.	97
Русская деревня должна заменить нам Мальдивы	102
Глава 4. Крепкая семья — иллюзия или реальность?	107
Возвращение домой	109
Любить по-человечески	116

Мужская религия	121
Православная семья и ее сильная половина	127
Кирпич	143
Иди и говори	149
Пенсия	154
Глава 5. Правильное отношение к жизни	157
Все должно быть правильно	159
Живое общение	165
Три мартышки	169
Портрет дома	173
Сами себе и друг друга	179
Будь непорочен	184
Радуйтесь после поста, но не впадайте в язычество	190
Дерзкие советы молодых	193
Откровения в дороге	196
Глава 6. Собственные усилия на пути к спасению	201
Ненужный стыд	203
Каюсь, что я не ангел	207
Всякий пред всеми виноват	212
О посте	217
Кому открываются двери Рая	225
Свидетельство жизни	231
Дождь. Кафе. Практический патерик	235
Дым без огня	240
Китайцы	246
О святости. Размышление	250
Не вздохи на скамейке	255
Глава 7. Приметы нового времени, открытые нам в Священном Писании	259
Новый смысл ветхозаветных праздников	261
Время важных событий	266
Священное бездействие	271
Постовые собеседники	275
О спасении	281

Духовно-просветительское издание

Протоиерей Андрей Ткачев

КАЮСЬ, ЧТО Я НЕ АНГЕЛ

Редактор-составитель • *Н. Домнина*

Макет • *Ю. Годик*

Обложка • *А. Лапаева*

Верстка • *М. Родионов*

Корректор • *Т. Николаева, Н. Домнина*

Технолог • *М. Мыскин*

Формат 60 x 90/16. Объем 18 п.л. Тираж 10 000 экз.

Бумага офсетная №1. Печать офсет.

Подписано в печать 28.05.2019 Зак. № 4980

Отпечатано с готовых файлов

издательства «Вольный Странник»

фонда социокультурных проектов «Традиция»

129090, г. Москва, улица Б. Спасская, дом 8, помещение 51

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14